

М. Ю. ШИНГАРЕВА

ОБ ИДИОЭТНИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Как известно, центральной категорией лингвокультурологии является культурный концепт. Культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими, по словам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [1, с. 12], повторяющиеся фрагменты социальной жизни.

Основным концептом идиоэтнической фразеологии является концепт фразеологического знака, разработанный с учетом опосредованности человеческой психики культурными, социальными по происхождению знаками [2, с. 90] на основе лингвистической концепции знака Ч. Морриса [3, с. 37–89]. Согласно теории Ч. Морриса, знак может служить именем не только предмета, но и предметной ситуации с участием интерпретатора. Через данные компоненты фразеология становится не только семиологической наукой, но и когнитивной.

Структура концепта фразеологического знака многокомпонентна. Все компоненты распределяются между тремя блоками, которые соответствуют трем составляющим человеческого существования – языку, мышлению, объективному миру.

В указанных блоках находятся идиоэтнические черты:

а) системы данного языка, выявляемые на лексемном, комбинаторном и семантическом уровнях;

б) селективного отображения культурно-исторических фактов;

в) языкового сознания его носителей [4, с. 67].

Все это и составляет понятие “национальная специфика фразеологии”. Каждый из элементов фразеологического знака способен придать ему неповторимые в других языках смыслы и обертоны, которые и создают идиоэтническую маркированность фразеологических единиц [5, с. 13].

Фразеологические единицы возникают как потребность в новом содержании выразить гам-

му смыслов и чувств в краткой форме. Материальным оформлением установок, формирующихся в среде конкретного этноса, являются атомарные словосочетания, которые могут быть знакомы данному коллективу из его жизненного опыта (эмпирические словосочетания типа *подливать масла в огонь*) или создаваемые заново (*звезды с неба хватать*). Формирование установок происходит в соответствии с теми сигналами, которые поступают в мозг от объективной действительности, и с тем кодом, который выработан в языковом мышлении народа.

Языковое выражение этих установок осуществляет их перевод с одного уровня (бессознательного) на другой (сознательный). Установка, не будучи наглядно-чувственной по содержанию, “ищет” наглядно-чувственную форму и находит ее в самых экономных формах, а именно в виде устойчивых образных оборотов. Например, установка “допустить кого-либо к чему-нибудь запрещенному” с отрицательной коннотацией воплощается в разных языках в следующих образах:

русс.: *пустить щуку в реку, пустить козла в огород*;

англ.: *set the wolf to keep the sheep* “поставить волка пасти овец”.

Установка “радоваться еще не пришедшей удаче” также с отрицательной коннотацией находит отражение в следующих образах:

русс.: *делить шкуру неубитого медведя*;

англ.: *count one's chicken before they are hatched* – “считать невылупившихся цыплят”, *cook one's hare before it is caught* – “готовить еще не пойманного зайца”.

Концепт “медлительность” имеет следующие фразеологические образы в русском языке: *черепаший шаг*; в английском: *at a snail's gallop* – «змеиным галопом»; в казахском *егіз аяқ* (букв.: “волобий шаг”, очень медленно идти, плестись).

Образ жалкого человека представлен в русском языке зооморфизмом *курица* (ср. мокрая курица), в казахском – *сурком* (ср. *іннен шыққан суырдай*, букв.: как вышедший из норы сурок), в английском *уткой* (ср. *like a duck in*

a thunder-storm – как утка во время грозы).

Фрейм преувеличения представлен в русском языке фразеологизмом *делать из мухи слона*, в казахском *тiймедейдi түйедей ету* (букв.: что-либо величиной с пуговицу представлять размером с верблюда).

Тихий застенчивый человек в русской картине мира характеризуется как неспособный обидеть и *муху* (ср. *и мухи не обидит*), в казахском языке: *қой аузынан шөп алмас* (букв.: не вырвет травинки изо рта *овцы*), в английском языке: *can't say bo (boh or boo) to a goose* (не сможет сказать *гусю* “бу”).

Выбор данных образов подтверждает высказывание Дж. Серля о том, что язык выводим из интенциональности, а не наоборот [6, с. 100]. Дж. Серль, определяя интенциональность как “то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира”, назы-

вает ее главной составляющей сознания [6, с. 96].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеведческих тактик. М., 1999.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. М., 1984. Т. 5.
3. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
4. *Кириллова Н.Н.* Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч. 1. Природа и космос. М., 2003.
5. *Pottier B.* Inclusif et exclusif dans le systeme personnel du quichua // BFLS. 1974. 52 annee. N 8.
6. *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987.

Summary

The following article considers the structure of phraseological sign concept on the examples of Russian, Kazakh and English phraseological units.